

А. Родионов

Туман

А. Родионов

Туман

«Издательские решения»

Родионов А.

Туман / А. Родионов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850205-7

Это может случиться с каждым: шокирующее письмо, скоростной заезд по горному серпантину, авария. Это может случиться с каждым, но не каждый сумеет открыть глаза после пережитого. Анхельмо удалось, но стоило ли это делать?..

ISBN 978-5-44-850205-7

© Родионов А.
© Издательские решения

Содержание

ноль	6
один	7
два	8
три	10
четыре	12
пять	14
шесть	16
семь	18
восемь	19
девять	22
десять	25
одиннадцать	29
двенадцать	31
тринадцать	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Туман

А. Родионов

© А. Родионов, 2017

ISBN 978-5-4485-0205-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*все мы видим яркие сны,
но к утру забываем
девяносто процентов
того, что нам снилось.
Вот почему обществу так нужны поэты.
Они помнят за нас наши сны.*

Том Роббинс / «Натюрморт с Дятлом»

НОЛЬ

Старенький внедорожник катился по серпантину, на скорости преодолевая повороты, словно дело происходило не на горной дороге на высоте нескольких сот метров, а на трассе для картинга. Внизу, у подножия горы, бушевало белое от пены море, обрушивая на скалы тонны водной массы, как если бы целью моря было расплющить эти скалы, превратить их в пляж из мелкой гальки. Гроза.

За рулём автомобиля сидел молодой парень двадцати пяти лет, он вцепился в руль и на всей скорости гнал вперед. Он куда-то очень спешил, но время и место для подобной спешки были выбрано не самым лучшим образом. Взгляд юноши скользил от поворота к повороту, от указателя к указателю, руки и ноги действовали автоматически, движения четкие, выверенные. Машину слегка заносило на скользкой дороге, но размеренные действия водителя каждый раз сводили занос на нет, выравнивая внедорожник для следующего манёвра.

Рядом с водителем на переднем пассажирском кресле лежала стопка бумаг, в спешке извлеченных из конверта со штампом городской больницы и наспех прочитанных тем, кто сейчас судорожно сжимал рулевое колесо, мечтая лишь об одном – чтобы серпантин скорее закончился и можно было бы поехать еще быстрее. Человек за рулем не обращал внимания на ливень и раскаты грома, продолжая упрямо давить на педаль газа. В его голове крутились одни и те же слова: «частичный паралич», «реанимация», «внутреннее кровотечение», «пересадка костного мозга». В разном порядке, но одни и те же слова. Человек периодически отводил взгляд от дороги и смотрел на листы медицинских бланков, как будто не веря в то, что они существуют, что лежат на сидении его машины, не веря, что там написаны все эти страшные слова, одно за другим, как в странном заклинании. Но листы были там, и в них были напечатаны слова, черным по белому.

Человек снова сфокусировался на серпантине, как вдруг в пяти метрах перед ним мощнейший разряд молнии ударил прямо в дорожное полотно. Скорость была слишком высокая, чтобы успеть остановить машину до дымящегося участка дороги, поэтому молодой парень резко вывернул руль, отчего внедорожник закричал и дернулся влево, его стало заносить, бросать по всей дороге и, как ни старался водитель блокировать колеса и выворачивать руль в другую сторону, машина отказывалась выходить из заноса. Раздался громкий резкий звук, затем скрежет – внедорожник на всей скорости влетел в ограждение, продавил его своей массой и полетел вниз – прямо в бушующее у скал море. Участок дороги, куда попала молния, дымился еще некоторое время, но вскоре потух под натиском дождя. На серпантине воцарилась тишина. Ничего не напоминало о случившейся аварии, за исключением разве что разорванного в одном месте участка ограждения и следов шин на земле. Старенький внедорожник медленно погружался в морские глубины, оставляя за собой хвост из маленьких пузырьков воздуха.

ОДИН

Белый свет до боли ударил в глаза, пришлось зажмуриться. Анхельмо очнулся в комнате, наполненной ослепительно ярким светом, таким ярким, что первые пять минут его глаза неприятно остро адаптировались к освещению. Какое-то время спустя он сумел оглядеться, чтобы сообразить, где он находится. В комнате было пусто, совершенно пусто. Он сидел на белом стуле, прикрученном к полу, как и массивный белый стол, стоящий прямо перед ним по центру комнаты. Никаких дверей. Никаких окон. Никаких признаков освещения. Никаких признаков наличия других людей. Никаких подсказок.

Анхельмо ничего не помнил. Он посмотрел на свои руки, на свою одежду, но никаких подсказок там не было. Проверил карманы своих штанов – тоже пусто. Нужно было что-то придумывать. Он снова посмотрел на стол – яркий свет больше не раздражал глаза, и можно было получше присмотреться к обстановке комнаты – однако кроме стула и стола ничего больше не было. Тем не менее, Анхельмо разглядел на столе три телефонных аппарата. Такие же ослепительно белые, аппараты не были подключены к телефонной сети, из них не выходило никаких проводов, ничего не мигало, свидетельствуя об исправной работе устройства. Анхельмо поочередно поднял трубку каждого из телефона в надежде услышать гудки или хоть какие-нибудь звуки, но его попытки потонули во всепоглощающей тишине, которая в трубке ничем не отличалась от тишины в комнате. Анхельмо пробовал набирать разные номера, но всё бесполезно – никто не отвечал, телефоны не подавали никаких признаков жизни. Оставалось только ждать – что-то должно было произойти, ведь по какой-то причине он оказался именно здесь, именно в этой комнате, хоть пока и не мог вспомнить, почему именно. Анхельмо закрыл глаза и попробовал обратиться внутрь себя, может быть подсознание пойдет ему навстречу и поделится хранящейся глубоко в его закромах информацией. Он должен был вспомнить. Он должен был вспомнить.

два

Анхельмо жил в небольшом провинциальном городке у моря. За всю свою жизнь он ни разу не покидал пределы родного города, ни разу не выезжал из своей страны. Родители работали в порту: отец ходил моряком на судне, а мать работала портовым диспетчером. Работа занимала большую часть их жизни, поэтому всё детство маленький мальчик был предоставлен сам себе и своей бабушке, которая, будучи воспитанной в аристократических традициях, желала дать внуку лучшее образование, на какое только была способна, но не дожидаясь и до его пятнадцатилетия. Именно от бабушки Анхельмо унаследовал уникальную тягу к познанию, уникальную способность видеть больше, чем все его сверстники, слышать больше и больше замечать. Бабушка успела научить его двум самым важным в жизни истинам, которые легли в основу его собственной системы ценностей на всю жизнь.

Первая истина заключалась в том, что никому нельзя верить на слово. Вторая – что ни у кого нет никаких ограничений или, другими словами, что каждый человек сам придумывает себе ограничения. Когда маленький Анхельмо говорил бабушке, что не может чего-то добиться, она смотрела на него своим строгим взглядом, как умела, и спрашивала не менее строгим тоном:

Почему это, юноша?

Обычно Анхельмо мямлил в ответ что-нибудь несурзкое, после чего сам понимал всю слабость своей аргументации и бежал делать то, что ранее считал невозможным или неосуществимым. А если у него и тогда не получалось, бабушка терпеливо выслушивала описание ситуации и советовала дать подсознанию самому решить эту проблему, пока Анхельмо спал. И подсознание решало за него эту проблему. Правда, бабушка Анхельмо была крайне религиозной дамой и называла подсознание Господом, да, именно так. Она говорила ему:

– Анхельмо, ты, кажется, сделал всё, что мог, пускай Господь теперь поможет тебе. Но знай, что ты не должен оставлять попыток добиться намеченной цели. Помни, что человек, который потерял свою цель – это пропащий человек.

Бабушка Анхельмо сочетала в себе уникальные и удивительно противоречивые качества – стремление к рациональному познанию мира и несокрушимую веру в Господа. Её внук просто не мог вырасти обычным человеком, ведь он с самого детства учился добиваться своих целей, не особо рассчитывая на помощь извне, а перепробовав всё – посмотреть-таки наверх и попросить помощи оттуда. Чем старше он становился, тем реже ему приходилось смотреть наверх и тем меньше становилось целей, которых он так или иначе не мог достигнуть. Когда Анхельмо стукнуло пятнадцать, его бабушки не стало. Молодой человек невероятно грустил о своей утрате, но бабушка успела научить его ещё кое-чему – никогда не оплакивать умерших людей и не сожалеть о том, что было. Она любила говорить:

– Анхельмо, однажды меня не станет. Ты должен понимать, что мой жизненный путь не закончится вместе со смертью моего тела. Я прошу тебя не скорбеть по мне, а продолжать делать то, что ты считаешь необходимым. Это будет для меня лучшая награда. Я буду наблюдать за тобой из того мира, где будет моё сознание, и постараюсь помогать по мере возможности. Обращай внимание на знаки, которые тебя окружают. Ты всегда видел больше, чем окружающие тебя люди, оттачивай это мастерство и слушай себя – Господь внутри тебя, и он никогда не ошибается.

Так она говорила, и Анхельмо запомнил эти слова. В день смерти бабушки он просидел на берегу моря несколько часов подряд, созерцая беспокойную водную гладь и размышляя о том, как интересно устроен окружающий его мир. Больше всего на свете ему хотелось понять егр, понять закономерности развития этого мира и его непреложные законы. А еще больше этого ему хотелось понять, с какой целью он, Анхельмо, появился на свете с таким уникальным набором способностей. В этот момент волны прибили к его ногам закупоренную бутылку, по виду которой можно было сказать, что она болталась в морской воде уже не один день, даже не одну неделю.

– Вот и первый знак, спасибо, бабушка – подумал тогда Анхельмо, пытаясь раскупорить бутылку. Он разглядел внутри маленькую записку, свернутую вдвое, и уже предвкушал какое-нибудь приключение, которое могло бы начаться с этой небольшой бумажки, свернутой в несколько раз. Его воображение рисовало сотни сюжетов, в которых он находит какую-нибудь затерянную экспедицию или спасает потерпевший крушение экипаж. И каково же было его разочарование, когда на записке не оказалось никакого послания. Вообще ничего. Пусто. На ней не было никаких записей, никаких странных знаков, никакой карты. Ни-че-го. В сердцах Анхельмо схватил бутылку и швырнул её обратно в море – такая история закончилась, не успев начаться! Записку он машинально сунул в карман, забыв о ней уже через несколько минут после вспышки ярости.

три

– Почему я не могу вспомнить, как я сюда попал? Почему не помню, что делал до этого? Почему мне в голову пришел момент смерти бабушки и эпизод с той странной морской бутылкой?

Анхельмо наворачивал круги вокруг стола, не в силах оставаться на одном месте. События последних нескольких часов всё ещё отказывались проявляться в его памяти, поэтому он гадал, что должно произойти дальше. Может быть, его похитили? Но кому он нужен? И почему тогда до сих пор с ним не связались и не выдвинули каких-то требований? Может быть, его обезопасили от чего-то? Но и в таком случае, почему до сих пор не связались? Вопросы один за одним появлялись в его голове и, не получив ответа, уходили туда же, откуда приходили. Не в силах бездельничать, он излезил на коленях и изучил каждый квадрантный сантиметр пола, простучал кулаком каждый квадратный сантиметр стен ослепительной комнаты. Ничего. Никаких намеков на дверь или окно. Никаких намеков на выход. Тишина уже начала сводить его с ума, звук стука его кулаков не отражался от стен, и ему начало казаться, что он медленно теряет рассудок. Может быть, он спит? Правда, может быть это всего лишь сон, страшный и непонятный сон, в котором он очутился по прихоти своего непредсказуемого подсознания? Всё правильно, поэтому он и не может вспомнить, как сюда попал – так всегда бывает во сне. Анхельмо что было сил ущипнул себя, но ничего не произошло, только две капельки крови появились на ранке. Очевидно, он не спал.

– Да где я? – от бессилия закричал он во весь голос, и вздрогнул, услышав своё собственное эхо, которое в ослепительной комнате показалось ему каким-то чужим, как будто кричал посторонний человек.

Через несколько секунд он вздрогнул еще сильнее – один из телефонов, стоявших на столе, зазвонил. Поначалу Анхельмо не мог поверить своим ушам, ведь он сам лично досконально проверил каждый из телефонов по нескольку раз. Поэтому он зажал уши руками и ждал, пока слуховая галлюцинация не кончится. Однако через несколько минут, когда он разжал уши, телефон продолжал звонить. Ошибки быть не могло. Анхельмо медленно подошел к столу и нерешительно потянулся к трубке.

– Анхельмо, ты сейчас именно там, где и должен быть – не терпящим возражений тоном заявил ему голос из трубки. Голос, который показался Анхельмо очень знакомым, но он не мог понять, кто говорит с ним. Услышав эти слова, Анхельмо осмелел и твердо решил сразу прояснить все интересующие его вопросы.

– А можно поконкретней? Кто засунул меня в эту белую клетку?

– Не торопись. Ты узнаешь всё ровно тогда, когда будет необходимо – голос явно издевался над ним.

– Когда будет необходимо?! Вы говорите мне, что я там, где и должен быть, что я всё узнаю, когда будет необходимо – зачем вообще было звонить мне тогда? И зачем тут еще два других телефона? Это что, какая-то шутка? Розыгрыш?

– Анхельмо, ты проявляешь нетерпеливость. Успокойся. Как ты думаешь, откуда я знаю твоё имя?

Об этом Анхельмо не подумал. Действительно, голос с первых слов обратился к нему по имени, что впопыхах Анхельмо воспринял как данность, а сейчас впервые задумался об этом.

– Вы знаете меня?

– Да, я знаю тебя. Очень хорошо знаю. Это я послал тебе ту самую бутылку пятнадцать лет назад...

Вспоминай дальше.

четыре

Теплый, летний день. Анхельмо празднует свой восемнадцатый День рождения. Полное совершеннолетие в его стране наступает в двадцать один год, но и в свои восемнадцать юноша мудр не по годам. Мать Анхельмо умерла через два года после смерти своей матери, его бабушки, когда Анхельмо едва исполнилось семнадцать; отец ушел в длительное плавание и не вернулся. Говорили, что его судно попало в так называемую «серую зону», просто пропало со всех радаров и больше никогда на них не появилось. Анхельмо не горевал ни по матери, ни по отцу. Слова бабушки о том, что со смертью путь души не заканчивается, глубоко засели в его памяти и теперь, когда он остался совсем один, его сердце не отзывалось грустью на воспоминания о бабушке и родителях. Оно было наполнено приятными воспоминаниями, теплотой и благодарностью за всё, что эти три человека сделали для него за этот, пускай совсем короткий, промежуток времени. Теперь ему исполнилось восемнадцать, вся жизнь, как ему казалось, была впереди, сотни возможных траекторий разворачивались перед ним, стоило лишь сделать выбор, пойти по одной из них – и всё. Анхельмо продолжал задумываться о своей судьбе, о смысле своей жизни. У него не было друзей. Возможно, причина крылась в его природной молчаливости – редко когда из него можно было вытянуть больше двух слов – или какой-то независимой самодостаточности, но факт оставался фактом – свой День рождения он праздновал в гордом одиночестве. При этом, он совершенно не ощущал своё одиночество, не страдал от него, не испытывал потребности разделить с кем-то эти мгновения уходящей юности. Он шел в сторону моря, чтобы, как обычно, присесть на берегу, подальше от городского пляжа, и сфокусировать взгляд на море. Смотреть, смотреть, пока четкая линия горизонта не превратится сначала в размытую, а потом и вовсе невидимую границу, после чего море сольётся с небом в единую палитру цветов, в серо-голубую стену, отделяющую Анхельмо от огромного мира, который он так стремился понять. Он знал, что поймет. Эта цель, ставшая на каком-то этапе глобальной целью его жизни, была лишь одной из многих целей, которые ему предстояло достичь, а Анхельмо четко знал – к любой цели, если её можно четко сформулировать человеческими словами, можно прийти за определенное количество шагов. Поэтому он созерцал водную и небесную гладь, сливавшиеся постепенно в единое серо-голубое месиво, и искал ответы на свои вопросы.

В этот раз он подумал о старце, попавшемся ему на пути к морю, прямо на набережной. С виду это был обыкновенный нищий, который стоял, прислонившись к парапету, и просил милостыню. Прохожие небрежно бросали монеты в его пластиковый стаканчик, кто-то побольше, кто-то поменьше, кто-то даже опускал туда бумажные купюры – типичное содержание карманов горожан. Поначалу Анхельмо совершенно не заметил старика, что было для него не характерно, настолько целеустремленно он направлялся к морю, но его вернул к жизни голос, раздавшийся из-под черного капюшона:

– Юноша, подайте нищему на пропитание!

Анхельмо вышел из ступора, оглянулся и понял, что кроме него на набережной никого нет, все прохожие каким-то мистическим образом либо ушли далеко вперед, либо оказались далеко позади него. Не в силах отказать просящему (одна из вещей, которым научила его бабушка, была спонтанная помощь – она требовала, чтобы он всегда помогал людям, если его об этом просят, не требуя чего-нибудь взамен и не испытывая к объекту помощи никакой жалости), Анхельмо достал из кармана пару монет и подошел к старику, внимательно разглядывая его лохмотья. Старик не был похож на типичного нищего маленького приморского

городка, в каком как раз жил Анхельмо. В отличие от большинства нищих, не имевших никакой обуви и слонявшихся по улицам босиком, на старике были добротные кожаные сандалии, а плащ с капюшоном, хоть и выглядел обветшалым, был чистым и опрятным. Само лицо старика, наполовину скрытое капюшоном, еще больше удивило Анхельмо. Загорелое, испещренное морщинами, оно тем не менее подчеркивало какую-то скрытую глубоко внутри таинственность, которая словно окутывала тело старика. Анхельмо посмотрел ему в глаза – это всегда было его маленькой слабостью – заглядывать людям в глаза, и опешил: там отражался он сам. Глаза старика были черными, абсолютно черными, так что невозможно было отличить зрачок от обрамлявшего его пигмента. Старик смотрел прямо на Анхельмо, не мигая, не сводя с него черных глаз, ничего не говоря. Анхельмо стало не по себе. На какой-то миг ему почудилось, что старик сканирует его, проникает через его глаза в самую душу и выворачивает её наизнанку. Через некоторое время старик прошептал:

– Ты найдешь записку в книге, которую прочитаешь через две недели. На рассвете приходи на море и посмотри сквозь неё на солнце. После этого вымочи её в лимонном соке и оставь сушиться на весь день и всю ночь.

– Кто вы? И о какой записке идет речь?

– Мы с тобой встретимся еще не раз. Порт. Посмотри, как красиво освещается порт сегодня вечером.

Анхельмо обернулся, чтобы посмотреть на порт, но ничего особенного в его освещении не заметил.

Свет как свет.. – начал было он отвечать старику, но, обернувшись, понял, что разговаривает сам с собой – старик куда-то исчез. Так же быстро и невообразимо, как и появился на этой набережной. Анхельмо осталось лишь вздохнуть, присвистнуть и продолжить прогулку к любимому месту у моря. Он уже предвкушал, как будет снова и снова смотреть на горизонт, пока ночной ветер не заставит его вернуться домой.

Анхельмо исполнилось восемнадцать лет.

ПЯТЬ

– Так значит, ты был тем самым нищим, тем стариком на Набережной, который разговаривал со мной странными фразами, – Анхельмо все еще держал в руках трубку первого телефона.

– Не совсем. Я просто хотел, чтобы ты это увидел. Ты хорошо помнишь, что случилось дальше?

Анхельмо очень хорошо помнил, что случилось дальше. В тот день он вернулся домой и стал размышлять, какую же книгу стоит ему выбрать так, чтобы прочитать её ровно через две недели.

– Кто же ты? – не унимался Анхельмо.

– Я тот, кто помог тебе встретить этого удивительного человека.

– Удивительного? С каких это пор приморские оборванцы считаются «удивительными людьми»?

– Не обманывай себя, Анхельмо. Ты сразу понял, что это не простой нищий. Более того, ты понял, что это совсем не нищий. И уж точно не оборванец.

Анхельмо всё ещё не мог понять, почему незнакомец так хорошо угадывал ход его мыслей, как будто бы он сам тоже находился внутри головы Анхельмо и вместе с ним наблюдал за происходящим там.

– Хорошо, умник. Допустим, ты действительно помог нам встретиться. Но я не помню, точнее, пока не могу вспомнить, к чему привела эта встреча.

– Правильно, не всё сразу. Давай договоримся, что ты тоже будешь называть меня по имени. Меня зовут Петр.

– Петр, как апостол?

– Да, как апостол, но я бы предпочел просто Петр. Ничего общего с апостолами и ангелами я не имею, скоро у тебя будет шанс в этом убедиться, а пока просто поверь мне на слово.

– Хорошо, Пётр. Можно я буду с тобой откровенен?

– Конечно, Анхельмо.

– С того момента, как мы начали разговаривать, меня не покидает ощущение, что я уже слышал твой голос раньше. Честно признаться, он кажется мне очень знакомым, но я никак не могу понять, где именно я мог его слышать.

– В твоих словах есть доля истины. Ты действительно слышал мой голос ранее. Пока я не могу раскрыть тебе все карты, но могу помочь вспомнить, где именно ты мог его слышать.

В этот момент ослепительный свет, к которому Анхельмо за время нахождения в комнате уже успел привыкнуть, резко погас, погрузив стул, стол, телефоны и самого Анхельмо в кромешную тьму.

– Что ты делаешь? – запаниковал не ожидавший такого развития событий Анхельмо.

– Смотри.

Глаза постепенно привыкли к темноте, в которой он различил очертания большого экрана, на всю стену. Внезапно экран включился сам собой, явив изображение маленькой рыночной площади городка, где жил Анхельмо. Площадь отображалась сверху и немного сбоку, как если бы человек с камерой залез на какое-нибудь здание и вел съёмку оттуда. По площади во все стороны сновали разные люди – торговцы, мальчишки, распространяющие газеты, женщины с корзинами продуктов, моряки. Фокус выхватил из толпы двух людей – пожилую женщину с корзиной фруктов и крепко держащего её за руку маленького мальчика, в котором Анхельмо без труда узнал самого себя. Не стоит уточнять, что пожилой женщиной была его бабушка, которая с юных лет водила Анхельмо на рынок, где на наглядных примерах обучала мальчика премудростям уличной торговли.

ШЕСТЬ

Анхельмо закрыл глаза, а когда открыл – был уже самим собой, но в возрасте семи лет, и стоял на рынке, держа за руку бабушку. В какой-то момент она подошла к одному из торговцев, который вежливо поприветствовал её и Анхельмо (бабушка Анхельмо пользовалась в городе большим уважением, потому что была первой, кому пришло в голову организовать литературный кружок и регулярно заниматься просвещением местных детей и их родителей). Не заметив, как бабушка высвободила из его маленькой ручонки свою руку, чтобы рассчитаться с продавцом, Анхельмо в мгновение ока остался один на площади. Он потерялся. Бабушка пропала из виду, и найти её в такой толпе не представлялось возможным.

Анхельмо с самого детства отличался от всех детей небывалым спокойствием и невозмутимостью, что выделяло его из множества сверстников. Вот и в этот раз вместо того, чтобы расплакаться, как поступил бы на его месте любой уважающий себя малыш в возрасте семи лет, Анхельмо начал бродить по площади рынка, надеясь рано или поздно наткнуться на бабушку. Внезапно путь ему преградил высокий силуэт, разглядеть который Анхельмо не смог из-за солнца, которое как раз находилось за спиной незнакомца, превратив его в сплошное черное пятно. Незнакомец протянул мальчику руку со словами:

– Следуй за мной, Анхельмо. Я отведу тебя к сеньоре Альба.

Так звали бабушку Анхельмо – сеньора Альба. Анхельмо обрадовался, что ему удастся так быстро найти свою бабушку, поэтому не раздумывая сунул свою маленькую ладошку в шершавую ладонь незнакомца и увязался за ним. Но у незнакомца были свои планы. В мгновение ока он сгреб мальчика в охапку и быстро покинул площадь, завернув в первый попавшийся переулок. Там он открыл дверь, ведущую в подвальное помещение одного из мрачных двухэтажных домов, столь характерных для приморского города, где жил Анхельмо, и начал спускаться по лестнице в темное помещение. Анхельмо не сразу сообразил, что происходит, и наблюдал за происходящим скорее с интересом, молча хлопая глазами. Незнакомец занес его в подвал, зажег свечу, свет которой озарил небольшое, но уютное помещение, сплошь увешанное большими полотнами, исписанными на непонятном Анхельмо языке, посадил мальчика на сундук, а сам устроился напротив него, взяв в руки свечу.

– Анхельмо, мне нужно, чтобы ты посмотрел на огонь этой свечи. Смотри, как она горит, как двигается пламя этой свечи. Смотри внимательно, смотри.

Анхельмо уставился на свечу. Голос незнакомца убаюкивал его, и постепенно его глаза закрылись сами собой.

– Слушай мой голос, Анхельмо. И запоминай. Меня зовут Пётр, я твой друг, и буду твоим другом всегда, что бы ни случилось. Когда тебе исполнится пятнадцать лет, запоминай, тебе надо будет прийти на море. Тебе надо будет прийти на море, на пляж, и ждать. В определенный момент море вынесет на своих водах бутылку. Запоминай, тебе нужно будет подобрать эту бутылку и достать записку. От этой записки многое зависит, Анхельмо, очень многое. А сейчас я буду считать от десяти до одного, медленно, и когда скажу «один», ты проснешься и забудешь всё, что я тебе говорил. Ты забудешь меня, забудешь это помещение, забудешь, что был здесь. Десять.

Сказав «десять» Пётр задул свечу и повел сонного Анхельмо на выход.

– Девять.

Они поднялись по ступенькам, Пётр закрыл двери, запер их на массивный навесной замок.

– Восемь, семь, шесть.

Они возвращались на площадь – Пётр твердым шагом шел вперед, Анхельмо в полудреме семенил за ним.

– Пять, четыре, три.

Вот они входят на рыночную площадь. Пётр пересекает её по диагонали и направляется в сторону торговца рыбой, перед которым всё ещё стоит сеньора Альба, бабушка Анхельмо. Он подводит Анхельмо к ней сзади и легонько шлепает по спине, чтобы оставшиеся два-три шага мальчик сделал сам.

– Один.

Щелчок. Анхельмо широко открывает глаза и видит перед собой бабушку, словно с того момента, как она отпустила его руку, прошло не больше двух секунд. Сеньора Альба разворачивается и смотрит на внука.

– Ты здесь. Смотри, не потеряйся, как я потом тебя найду на такой людной площади? Знаешь, сколько родителей каждый год теряют своих детей на рынке? Говорят, их забирает злой разбойник и уносит в своё логово, откуда еще никто не возвращался живым. Так что держись за мою руку и постарайся не отставать, нам предстоит еще долгий путь.

Камера снова фокусируется на двух людях – пожилой женщине и маленьком мальчике, который держит её за руку, только на этот раз изображение становится всё меньше и меньше, пока эти двое снова не становятся полностью неразличимыми в толпе людей. Камера всё отдаляется и отдаляется, площадь уменьшается в размерах, как если бы оператор взлетал куда-то вверх. Дома становятся всё меньше и меньше, они теперь больше напоминают игрушечные домики из детского конструктора, которые аккуратно расставил на ковре один маленький мальчик. Город всё уменьшается и уменьшается, пока не превращается в маленькую черную точку, которую через некоторое время тоже становится не видно из-за набежавших с разных сторон облаков.

СЕМЬ

Экран погас, и Анхельмо вновь очутился сначала в кромешной темноте, а потом в ослепительном сиянии белой комнаты. Он уже ждал звонка первого телефона и предчувствие не подвело его – буквально через пару секунд раздалась заветная трель, и вот он уже готов задать очередную порцию вопросов человеку, которого, как оказалось, он встретил двадцать три года назад.

– Петр, это ты?

– Да, это я. Анхельмо, открою тебе маленький секрет: по этому телефону ты будешь общаться только со мной.

– Правда? А зачем тут стоят еще два других телефона?

– Опять ты за своё, какой же ты нетерпеливый, а. Представляю, как сеньора Альба намучилась с тобой, когда ты был маленьким и совсем не умел контролировать свои эмоции. О предназначении двух других аппаратов ты узнаешь чуть позже. Сколько раз повторять – всему своё время.

– Ну хорошо, – нехотя согласился Анхельмо – тогда скажи лучше, откуда ты знал, что в пятнадцать лет я выловлю в море бутылку? Ведь то, что я вспомнил, происходило за восемь лет до этого.

– Трудно сказать. Думаю, я всегда это знал, как знаю и множество других вещей, о которых ты даже не подозреваешь. В каком-то смысле именно я отправил тебе эту бутылку, но предупредить о ней должен был заранее, не спрашивай почему, просто в тот момент так было лучше всего. Как видишь, мой план удался, ты действительно выловил нужную бутылку через восемь лет.

– Нужную бутылку? А что, я мог выловить еще ненужную?

– Не совсем. Все бутылки нужные, просто если бы ты пришел на день или на год раньше, ты бы выловил чужую бутылку, точнее, бутылку, не предназначавшуюся для тебя. Сам понимаешь, в таком случае всё пошло бы наперекосяк и сейчас ты бы вряд ли сидел в этой комнате и вот так запросто общался бы со мной.

– Я умер?

– Ты живее многих живых. Ты скорее изолирован.

– Почему записка в той бутылке оказалась пустой? Какой смысл был посылать мне записку без текста, без информации?

– Анхельмо, сам факт обладания тобой этой запиской – это уже информация, сигнал, который позже был получен кем нужно. Благодаря этой записке события развивались по выбранному нами – и тобой тоже – сценарию. Впрочем, я лучше покажу тебе...

ВОСЕМЬ

И родители, и сеньора Альба замечали, что с самого раннего возраста любимым развлечением Анхельмо, за которым он мог проводить бесчисленные часы, было наблюдение за другими людьми. Его нельзя было назвать тихим, невзрачным ребенком, зачастую он сам устраивал заварушки, вовлекая туда других детей, за что нередко получал от родителей и бабушки нагоняй. Однако в возрасте трех лет он впервые продемонстрировал ЭТО своё качество, которое навсегда осталось непонятым родителями, но замечено и развито бабушкой, которой хватило мудрости догадаться, что именно оно в дальнейшем превратит Анхельмо в того, кем ему суждено стать (или кем он сам станет, если будет отрицать философию детерминизма). В пять лет воспитательница уже регулярно докладывала, что Анхельмо регулярно затевает какую-нибудь групповую игру, в которой старается задействовать максимальное количество детей, а сам в какой-нибудь момент незаметно выходит из игры и часами сидит, наблюдая за остальными детьми. Воспитательница никак не могла понять, что именно ему так нравится – следить, чтобы всё было по правилам, или наблюдать за последовательностью ходов. Сеньора Альба, напротив, точно знала, что интересно её маленькому необычному внуку – смотреть на лица людей. Позже её догадка не раз подтвердилась.

Чем старше становился Анхельмо, чем ярче выражалось эта его особенность, иногда причинявшая множество неудобств окружающим. Прежде всего, не многим нравится, когда на них пялятся, не отрываясь, в течение долгого времени. В детском саду многие дети замечали на себе тяжелый взгляд Анхельмо, буквально сверливший их насквозь. Некоторые начинали плакать, думая, что с ними что-то не так, но хитрый мальчуган не хочет сказать им, что именно. Другие летели на Анхельмо с кулаками, поскольку им казалось, что он просто издевается. Третьи предпочитали отворачиваться и отсаживаться подальше, а в дальнейшем избегали общения с обнаглевшим товарищем. Да, именно такую характеристику давали Анхельмо некоторые родители его товарищей по садикам – обнаглевший юнец.

– Какое право имеет он так откровенно и нагло смотреть на наших детей?

– Надо изолировать группу от пагубного влияния этого мальчика!

– Куда вообще смотрят родители? А воспитатели? Это же их работа – воспитывать детей, чтобы они не вырастали такими, как этот невоспитанный мальчишка!

Сеньора Альба краснела и сносила за Анхельмо все шишки, а дома учила его быть хитрее, быть умнее и незаметнее. Она говорила ему, что если уж ему так нравится смотреть на людские лица, нужно делать это осторожнее, аккуратнее, чтобы не попадаться так просто на многочисленные уловки других людей. В результате долгих и упорных тренировок Анхельмо научился периодически через силу отводить взгляд, опускать глаза вниз, делать вид, что он переключился на что-то другое. У него хорошо получалось, но, честно говоря, такое притворство ему откровенно претило. К девяти годам он понял, что школа – тоже не лучшее место для занятий его любимым делом, поэтому, едва успевал прозвенеть звонок об окончании уроков, Анхельмо срывался с места и бежал на главную улицу города, недалеко от рыночной площади, где усаживался на скамейку и с удовольствием смотрел на проходящих мимо него людей. Тут он мог разгуляться. Люди всё время менялись, а те, что долгое время сидели на одном месте, например, общаясь с другом или занимаясь живописью на улице, как правило, не замечали его. Анхельмо

мог просидеть на скамейке несколько часов, не прерываясь на еду или любое другое действие, так ему нравилось созерцать, наблюдать за людьми.

Он не извлекал из таких наблюдений какой-либо пользы, просто получал удовольствие от того, что смотрел за людьми, которые не догадывались, что за ними кто-то смотрит. Эти наблюдения позволили ему прийти к ряду интересных выводов. Например, некоторые люди всегда вели себя так, как будто на них одновременно смотрит несколько сот человек. Как правило, это были величественные дамы, одетые в дорогие меха, которые плыли по улице, обращая на себя внимание всех прохожих. Анхельмо заметил, что даже если на такую даму никто не смотрел, величественности в её походке не убавлялось ни на йоту. Другая группа людей, довольно многочисленная в его городе, вела себя ровно противоположным образом. Эти люди как будто боялись чужих взглядов, того, что их кто-нибудь заметит, поэтому старались (и у многих из них это получалось на удивление хорошо) делать всё скрытно и незаметно. Если же такой человек всё же понимал, что привлек чье-то внимание, ему сразу становилось не по себе, и он скорее спешил убраться куда подальше, лишь бы снова стать инкогнито, серой мышкой в гуще серых людей, сливавшихся с фоном серых стен города. Если первая группа людей вызывала у Анхельмо скорее негативные эмоции, второй группе он искренне сочувствовал – ведь среди них находилось немало симпатичных, даже красивых, людей, которые были ничем не хуже надутых особ из первой группы. Анхельмо очень хотел, чтобы эти серые мышки однажды осознали свои отличительные черты, свою особенность и непохожесть на других и перестали бояться, что на них кто-нибудь посмотрит.

Когда Анхельмо вот-вот должно было стукнуть тринадцать, сеньора Альба уловила еще одну его особенность, являющуюся прямым следствием его любви к наблюдению за человеческими лицами. Дело в том, что Анхельмо попал в зависимость от красоты человеческого лица, и выстраивал на этом свои отношения с каждым конкретным человеком. Он опирался не столько на красоту лица, ведь нет ничего более относительного, чем красота людей, а скорее на то, понравилось ли ему оно или нет. Сеньора Альба заметила, что если Анхельмо по каким-то причинам не понравилось лицо человека – пиши пропало, ничего не поделаешь. Анхельмо всячески старался избежать разговора с такими людьми, старался отвернуться, сделать вид, что ему не интересно, вспомнить, что ему срочно надо бежать по делам – всё, что угодно, лишь бы не иметь дела с таким человеком. Напротив, если человеческое лицо было ему симпатично – Анхельмо делал всё, чтобы познакомиться, пообщаться, завести диалог и как можно больше времени провести, вглядываясь в столь симпатичное ему лицо, даже если это был отъявленный злодей, пьяница или уличный мошенник.

Волей-неволей Анхельмо придумал и стал заложником своей собственной системы дискриминации, основывавшейся не на материальном состоянии человека или его положении в обществе, а всего лишь на восприятии его лица. Понять заранее, понравится ли ему лицо или нет, было невозможно. Сеньора Альба пыталась выявить какие-то закономерности в понравившихся Анхельмо лицах, старалась угледеть в них что-то общее, что-то схожее – бесполезно. Спектр был чрезвычайно широким, а сам Анхельмо, когда ему задавали подобный вопрос, лишь пожимал плечами и отвечал, что не может объяснить это, потому что это ощущение появлялось в нем как-бы само собой, без каких-либо интеллектуальных усилий. Как если бы внутри него сидел маленький человечек, перед которым были расположены всего две кнопки – «нравится» и «не нравится». При любом контакте с людьми этот маленький человечек должен был нажимать одну из кнопок, определяя тем самым итог взаимодействия. Иногда, правда, маленький человечек брал технический перерыв и не нажимал ничего, что проявлялось в полнейшем равнодушии со стороны Анхельмо – ему было не важно, что произойдет

далее в отношении такого «нейтрального» человека. По наблюдениям сеньоры Альбы, которые, в силу её природной мудрости, были не так далеки от истины, в большинстве случаев человеческие лица не нравились Анхельмо – примерно половина из них, точно. Остальная половина делилась в пропорции один к четырем – одна пятая часть лиц была ему симпатична, четыре пятых – нейтральны. Но те счастливики, кому суждено было понравиться Анхельмо, могли претендовать на его бесконечную дружбу и безусловную симпатию – свою часть работы они сделали, попав в одну десятую избранных, и теперь могли пожинать плоды своей удачливости.

Бабушка понимала всю опасность такого подхода, понимала, что Анхельмо слишком многое упускает, отрекаясь так жестко и так резко от тех, кто пришелся ему не по душе. С другой стороны, опасность таилась и в полном принятии этих немногих избранных – они могли влиять на Анхельмо, ведь только их он бы и слушал, а кто оценит их добропорядочность и благонамеренность, если фильтр внука нацелен на совершенно другое? Сеньора Альба долгое время задавалась этими вопросами и в итоге решила серьезно взяться на формирование у него осознанности. Она начала учить его оценивать людей по другим критериям. Долгие часы, дни, недели и месяцы она пыталась разумными и логическими доводами показать Анхельмо на конкретных примерах, что хорошие люди иногда скрываются за уродливыми (для Анхельмо) лицами, а негодяи носят маску ангелов. Анхельмо, казалось бы, умом понимал, какой смысл вкладывает бабушка в эти слова, но на практике так же проводил свою собственную кадровую политику, основываясь на внутренних ощущениях – и ничего не мог с этим поделать, вызывая великую досаду и своей великой бабушки. Сеньора Альба не сдавалась. Она поставила себе конкретную цель – сделать так, чтобы Анхельмо научился быть полноценным человеком без предубеждений. И пусть она пока еще не знала, как именно добьётся этой цели, как покажет Анхельмо наиболее верный способ, одно ей было ясно как день – рано или поздно у неё получится. Анхельмо никогда не спорил с ней на эту тему, коротая очередной вечер на скамейке самой оживленной улицы города и добавляя всё новые и новые лица в свою коллекцию. Единственную в мире коллекцию человеческих лиц.

ДЕВЯТЬ

Анхельмо закрыл глаза, а когда снова открыл их, очутился перед зеркалом в школе. Дело было в сентябре, когда деревья уже начинали покрываться золотым панцирем, но еще сохраняли оттенки зеленого лета. Из носа текла кровь, из глаз – слезы обиды, а учительница стояла рядом и пыталась успокоить его.

– Анхельмо, ты не виноват, это он первый начал. Успокойся, всё будет хорошо.

Но Анхельмо не собирался успокаиваться. Всё началось с того, что Серж, самый задиристый мальчик из его класса, начал приставать к одной девочке, Веронике. Лицо Сержа сразу не понравилось Анхельмо, что-то в нем было отталкивающее, из-за чего Анхельмо пытался проводить с ним как можно меньше времени и как можно реже пересекаться во время игр. Но в этот раз он просто не мог стоять в стороне, когда Серж начал прилюдно издеваться над Вероникой.

– Посмотрите, какая косичка! – воскликнул он и изо всех сил дернул Веронику за косу.

– Серж, отстань от меня! – только и успела вымолвить девочка, до того, как слезы ручьем потекли из её глаз. Как назло, рядом не было никого из старших, а остальные дети предпочли не вмешиваться. Все, кроме Анхельмо. Хоть он был меньше Сержа и нередко проигрывал ему в физических состязаниях, в этот раз он смело вышел вперед и властным тоном заявил:

– Серж, ты слышал её? Оставь в покое Веронику и её волосы. Найди себе кого-нибудь по силам.

Серж, казалось, не верил своим ушам.

– Ты это мне, сопляк? Анхельмо, иди лучше дальше играй в свои игрушки.

– Я не уйду, пока ты не оставишь Веронику в покое.

– Ах так, ну тогда получай, – с этими словами Серж разбил Анхельмо нос. Неизвестно, чем бы кончилась вся эта история, но тут как раз подросел учитель и разнял двух мальчиков, отправил Сержа в место для наказанных детей, а Анхельмо повел к умывальнику, промыть нос.

– Это он первый начал, Анхельмо. Всё будет хорошо, – повторял учитель, как будто Анхельмо и сам не догадывался, что всё будет хорошо.

Он зажмурил глаза, а когда снова открыл их, то понял, что сидит за партой. Календарь на стене класса показывал, что дело происходит в октябре, через пару недель после того неприятного эпизода с Сержем. Весь класс писал работу, и он увидел, как другой его одноклассник, Ганс, списывает работу у Сержа. Несмотря на свою задиристость, Серж был довольно смышленным мальчиком и хорошо учился. О Гансе можно было сказать то же самое, но природная лень иногда побеждала его, заставляя, в частности, списывать работы у одноклассников. К концу дня, когда учитель проверил все работы, троих учеников попросили остаться после уроков и зайти в учительскую. Этими троими были Серж, Ганс и Анхельмо. Все трое явились

в кабинет сразу после урока, не очень понимая, за что им предстоит получить нагоняй – а другого повода зайти к учителю, как правило, не было. Первый вопрос был обращен к Анхельмо.

– Анхельмо, заметил ли ты что-нибудь странное сегодня во время контрольной работы по письму?

– Нет, учитель.

– Может быть, ты видел, как кто-нибудь жульничает?

– Нет, учитель, я ничего не видел. Я писал свою работу.

– Хорошо, можешь идти.

Анхельмо вышел из учительского кабинета и прислушался к тому, о чем учитель говорил с Сержем и Гансом. Оказалось, у них были две одинаковые работы, и учитель пытался выяснить, кто у кого списал. Естественно, оба хранили гробовое молчание, так что учитель решил поставить двойки обоим. Анхельмо подождал пока оба мальчика выйдут от учителя, обсудят ситуацию между собой (он не знал, к чему они пришли, но в этот раз обошлось без рукоприкладства) и разойдутся в разные стороны. Тогда он догнал Ганса, развернул его и выпалил следующее:

– Ганс, я видел, как ты сегодня списывал у Сержа. Я не скажу об этом учителю, но я считаю, что с твоей стороны будет честно, если ты признаешься, что списал у него. Из-за тебя Серж может получить двойку, а это неправильно, он ведь не делал ничего плохого.

– Анхельмо, не лезь не в своё дело. Ты сказал, что никому не скажешь, вот и не говори никому. Понял?

– Я-то понял, Ганс. Но подумал бы ты еще раз, а, – с этими словами Анхельмо удалился. На следующей день он узнал, что Ганс признался учителю в своём проступке, в результате чего двойка Сержа была исправлена на ту оценку, что он получил, а Ганс получил шанс переписать работу самостоятельно.

Анхельмо снова зажмурился. Хлоп. Хлоп. Он идет по улице. Судя по погоде, это снова октябрь. Он идёт по рыночной площади, он очень голоден. С самого утра у него во рту не было ни крошки, а бабушка не успела забрать его из школы и накормить, так что теперь он был вынужден тащиться домой самостоятельно, надеясь, что мама оставила какой-нибудь ужин на подоконнике. Впрочем, надежда эта была весьма слабой, потому что обычно маме не хватало времени на приготовление еды впрок, эти обязанности лежали на сеньоре Альбе, которая в этот день как назло куда-то запропастилась. И вот маленький Анхельмо топал себе домой, как, вдруг, ушедшей впереди него женщины прямо на его глазах выпал из сумки кошелек. Анхельмо поспешил подобрать его – кошелек был довольно увесистый. Недолго думая, он открыл его, увидев множество монет, на которые можно было очень много вкусной еды. Анхельмо стоял, не веря столь внезапному счастью, как, вдруг, совершенно другая мысль словно молнией пронзила его сознание. Недолго думая, он захлопнул кошелек и кинулся догонять женщину. Ему повезло – женщина не успела уйти слишком далеко и затеряться в толпе, что на рыночной площади и примыкающим к ней улицам было совсем не сложно. Анхельмо подбежал к ней, потянул за руку и затараторил:

– Сеньора, вы обронили свой кошелек. Вот он, я нашел его.

Женщина с недовольным видом покосилась на Анхельмо, словно он был виноват в пропаже её кошелька, пропаже, которую она даже не заметила, выхватила кошелек из его руки и пошла в противоположную сторону, приговаривая себе под нос:

– Ох уж эти воришки, совсем не дают проходу. Небось, вытащил у меня все деньги, половину уж точно. Надо проверить! Уж теперь-то я глаз не спущу со своего драгоценного кошелька.

Анхельмо не получил ни слова благодарности за свой поступок, вместе этого его обвинили в воровстве, однако настроение его нисколько от этого не испортилось – этих слов он просто не расслышал. На сердце у него было как никогда светло, потому что он думал о том, что женщина теперь не будет горевать о пропаже и сможет накормить свою семью, которая, думал Анхельмо, просто обязана была оказаться большой, не мене пяти-шести человек. Эти мысли отвлекли его от улиц, от чувства голода, и он сам не заметил, как оказался у порога собственного дома.

ДЕСЯТЬ

Мгновение. Снова ослепительная комната. Анхельмо встрепенулся – все три эпизода из жизни себя в девятилетнем возрасте, оказывается, были воспоминанием. Всего лишь воспоминанием. Он снова сидел на белоснежном стуле перед белоснежным столом с тремя белоснежными телефонами. Первый из них зазвонил.

– Пётр? У меня появилось еще несколько вопросов.

– О, я даже не сомневался.

– Во-первых, почему я не чувствую здесь чувство голода или усталости? Я уже столько времени провел в этой комнате, а до сих пор не захотел ни есть, ни спать, ни, извиняюсь за выражение, отлить.

– Все чувства относительны, Анхельмо. Задача твоего нахождения в этой комнате никак не связана с чувством голода, усталости или удовлетворения других биологических потребностей, поэтому ничего такого ты и не чувствуешь.

– А сколько я уже здесь провел?

– Сколько времени? Время еще более относительно. Я бы сказал, что ты проведешь здесь вечность и в то же время один миг.

– Ты снова говоришь загадками. Можно просто ответить на мой вопрос?

– Но я просто отвечаю на твой вопрос, проще некуда.

– Хорошо. Раз уж ты решил сделать так, чтобы я полностью сломал себе голову, думая над твоими непонятными ответами, расскажи, что за воспоминания только что у меня были?

– Как, я же обещал тебе показать, каким образом ты выбрал один из сценариев развития собственной жизни. И вот я показал.

– Но.. Но я ничего не понял.

– Что ж, больше ничем не могу помочь. К сожалению, или к счастью, я могу только показывать тебе воспоминания. Я не в силах ничего объяснить тебе. Как говорят у тебя в городе, это не в моей компетенции.

– Хорошо, а в чьей же это компетенции?

– Увидишь. Очень скоро.

В этот момент Пётр разъединился и вместо непонятных ответов на свои вопросы Анхельмо стал слушать в трубке непрерывные короткие гудки.

– Да что же это за наказание такое, – подумал Анхельмо, яростно ударив трубкой по телефону. – Может, я оказался в аду? А что, чем не ад – сидеть в белой комнате, не имея возможно-

сти умереть от голода или обезвоживания, разговаривать по телефону с непонятным типом, представляющимся Петром, который, кажется, знает обо мне больше, чем я сам, эпизодически вспоминать моменты из своей жизни, не помня при этом базовых вещей. Идеальная картина ада, очень изощренная при этом. Хотел бы я поговорить с создателем этой белой комнаты, с создателем этого ВСЕГО. У парня явно всё хорошо с воображением.

В это время, впервые с того момента, как Анхельмо очнулся, зазвонил второй телефон. Анхельмо не сразу понял, что звонит не телефон Петра (так он решил называть аппарат, по которому общался с ним этот небожитель), а когда осознал, всё тело покрылось мурашками, а спину прошибло холодным потом. Несмотря на это он дрожащей рукой потянулся к трубке и нерешительно приставил её к уху.

– А..Алё?

– Анхельмо?

– Бабушка?

– Да, это я, Анхельмо. Уверена, у тебя сотни и тысячи вопросов, но, прошу тебя, наберись терпения. Я не могу рассказать тебе всё сразу.

– Да, я уже понял, что в этой комнате нельзя узнать всё и сразу, нужно ждать прихода какого-то там времени.

– Не нужно язвить. Судя по всему, ты уже успел поговорить с Петром, да?

– О да, и не раз. Он что, твой друг?

– Я бы сказала, мой коллега.

– Так вот бабушка, твой коллега любит показывать мне воспоминания из моей жизни, сопровождая их таинственными комментариями и не удосуживаясь при этом расшифровать, что он имеет в виду.

– Всё правильно, Анхельмо. Это не в его компетенции.

– О господи, и ты туда же! Что вы все заладили про компетенции? И в чьей же компетенции хоть что-то объяснить мне?

– В моей.

– Что? В твоей?

– Да, именно в моей. Я позвонила, чтобы рассказать тебе, что ты не понял. Насколько я понимаю, в данный момент ты не понял, почему три воспоминания из твоего детства Петр назвал выбором сценария, не права ли я?

– Ты... Ты права, бабушка.

Анхельмо в очередной раз оказался в ступоре. Бабушка не умерла? Она здесь? Она сейчас всё ему объяснит, как много лет назад она проясняла ему самые непонятные грани жизни и всячески содействовала активному познанию мира. Неужели это не сон? Нет, адом это точно не может быть. Тогда где он?

– Анхельмо, ты еще здесь?

– Да.. Просто... Мне сложно воспринять столько информации за раз. Я думал, тебя давно нет со мной.

– Ну мальчик мой, я же всегда говорила тебе не печалиться из-за моей смерти – это всего лишь смена формы. Содержание-то остаётся неизменным. Можешь считать, что первые пятнадцать лет твоей жизни я была рядом с тобой, а следующие пятнадцать сидела рядом с этим телефоном, наблюдая за тобой и дожидаясь подходящего момента, чтобы позвонить и поговорить с тобой. Вот этот момент и настал.

– Удивительно. Мне нужно немного собраться с мыслями. Ты говорила о моих воспоминаниях?

– Да, я говорила, что ты не совсем понял, как именно происходил процесс выбора сценария.

– Точно, я вспомнил. Продолжай, пожалуйста, бабушка.

– Воспоминаний не случайно было именно три. Они, точнее, мы должны были точно убедиться в том, какой путь ты выберешь, поэтому испытания было три. Первое – испытание страхом. Ты вспомнил, как защитил Веронику от издевательств Сержа. Несмотря на то, что он был сильнее тебя, и никто не хотел за неё заступиться, ты отважно встал на её сторону. Таким образом, ты сделал первый шаг – показал, что готов защищать слабых и не идти на поводу у общественного мнения, даже если больше никто не готов тебя поддерживать. Второе испытание – хотя, не совсем правильно, наверное, называть это испытанием, скорее, второй этап – это когда ты увидел, как Ганс списывает контрольную работу у Сержа. Ты мог рассказать об этом учителю сам, мог рассказать, когда он спросил у тебя, мог ничего не делать после этого, но ты поступил иначе. Учителю ты ничего не сказал, а вместо этого поговорил с Гансом, ничего не говоря Сержу тоже. Таким образом ты показал, что готов бороться за справедливость тихо, спокойно – и благородно. Именно так по-настоящему и отстаивают справедливость. Третий этап – испытание жадностью. Я не случайно в тот день задержалась, ты должен был оказаться на той улице и подобрать тот кошелек. И ты должен был быть голодным, иначе эффект был бы значительно меньше. У тебя был огромный соблазн потратить хотя бы одну монету на еду, но ты не сделал этого, а вместо этого вернул кошелек в ценности и сохранности той женщине, которая даже не удосужилась поблагодарить тебя. Как видишь, у тебя было целых три глобальных выбора, и по несколько вариантов внутри каждого из этих выборов – целое множество сценариев. Ты мог защитить слабых и побороться за справедливость, но не вернуть кошелек. Или не защищать слабых и не бороться за справедливость, но вернуть кошелек. В каждом из этих отдельных случаев, твоя жизнь изменилась бы. Ты выбрал максимальный сценарий – защитить слабость, побороться за справедливость, избрать честность. С тех самых пор все события, которые ты считал странными или случайными таковыми больше никогда не были. Это была подготовка. Скоро узнаешь к чему именно, а пока хватит. Я итак рассказала тебе слишком много, тебе потребуется время, чтобы обдумать мои слова. Помни одно – я гордилась

тобой, Анхельмо, тогда, горжусь и сейчас. Всё только начинается, мальчик мой. Всё только начинается.

одиннадцать

– Анхельмо? Ты спишь?

Анхельмо дёрнулся, как будто его ударило небольшим разрядом тока.

– Анхельмо? Всё хорошо?

Он не спал. Голос Петра раздавался в его голове несмотря на то, что телефонная трубка лежала на телефоне, который даже не звонил.

– Анхельмо, ты отключился. Приходи в себя. Слушай мой голос, я выведу тебя из этого состояния. Слушай мой голос. Вспомни белую комнату.

Что-то явно пошло не так. Анхельмо попытался оглядеться вокруг, но не мог этого сделать. Точнее, оглядеться он сумел, но не сумел ничего увидеть, не на чем было сфокусировать взгляд. Вместо этого он испытал леденящий ужас, который наполнил всё его существо, как будто тысячи иголок одновременно вонзились в кожу и с каждой секундой входили в тело всё глубже и глубже. Страх сковал его изнутри, он находился в пустоте, в вакууме. Вокруг ничего не было. Вообще ничего не было. Анхельмо пытался двигать рукой, но это было равнозначно попытке не приземляться после прыжка вверх. Его рука двигалась и не двигалась одновременно. Он сам двигался и не двигался одновременно. Он не знал, как бы он описал это состояние, если бы его попросили изложить на бумаге свои ощущения в тот момент. Он просто существовал в ужасе. Если бы не голос Петра, Анхельмо бы, наверное, свихнулся.

– Анхельмо, не уходи в себя! Слушай мой голос! Говори со мной. Ты слышишь меня?

– Да, я слышу тебя, – раздался голос одновременно внутри Анхельмо и вне его. Эта пытка была еще изощреннее белой комнаты.

– Отлично. Ты должен сфокусироваться на чем-нибудь, на каком-нибудь объекте. Думай. Любой объект подойдет, просто сосредоточься.

– Я попробую.

Мысли образовывали вязкую субстанцию и никак не могли остановиться на чем-то одном. Разум был словно парализован, словно ослеплен ровно в тот момент, когда нужно было увидеть любое, находящееся неподалёку от него. И это любое оказалось таким неуловимым.

– Анхельмо, думай! С каждой секундой тебе всё сложнее и сложнее выбраться наружу. На твоём месте, я бы не философствовал, а искал нужный объект.

– Легко сказать! Мои мысли словно парализованы. Я пытаюсь подумать о чем-нибудь, но вместо этого... Стой! Кажется, получается. Тетрадь!

В его голове каким-то волшебным, непонятным образом всплыла черная тетрадь. Он мог видеть её в мельчайших подробностях, во всех деталях. Тетрадь зависла прямо перед ним,

шелестя исписанными страницами. Анхельмо видел почерк, различал буквы, но не мог сложить их в слова. Он знал, кто написал все эти строки, и одновременно не знал этого.

– Ты видишь тетрадь?

– Да, черную тетрадь, исписанную непонятными понятными словами.

– Ты делаешь успехи. Теперь попробуй представить эту тетрадь на белом столе.

Анхельмо сделал усилие – пока тетрадь всё еще висела перед ним в прозрачной субстанции его сознания – и представил её лежащей на белом столе. Черная тетрадь на белом столе. Тетрадь на столе. Вдруг, посреди тетради образовалась воронка, в которую начало затягиваться всё. Границы тетради. Страницы. Вся масса чего-то, в чем находился Анхельмо. Сам Анхельмо. Ему стало дико страшно, он попытался зажмуриться, но оказалось, что его глаза итак были закрыты. Хлопок. Тишина. Темнота. В следующий миг Анхельмо обнаружил себя сидящим на белом стуле в ослепительной комнате. Телефоны были на месте. Перед ним лежала черная тетрадь.

двенадцать

– Может расскажешь, что это было?

Анхельмо всё ещё трясло при одной мысли о том, что ему только что довелось пережить. Телефон зазвонил сразу же, как он пришел в себя в ослепительной комнате, и Пётр, кажется, впервые был готов что-то ему объяснить, несмотря на то, что объяснять не входило в его компетенции.

– Мне будет сложно объяснить тебе это простыми человеческими терминами и понятиями. Немногие люди в своей жизни проходят через такое. Что ж, ты прошел, что, впрочем, не удивляет нас. Мы просто получили еще одно доказательство тому, что ты особенный человек, Анхельмо.

– Особенный человек? Я чуть не умер от страха! Я всегда считал себя довольно бесстрашным, а тут... Это просто не передать словами.

– Об этом я тебе и говорю. Это невозможно выразить вашим, людским языком, потому что люди редко сталкиваются с подобным, а те, кто сталкиваются, даже не пытаются рассказать остальным, на что это похоже. Это как рассказывать слепому, как красив открывающийся с холма пейзаж. Только в тысячу раз сложнее. Скажем так, твоё сознание впервые в жизни сделало выход в другое измерение.

– А сейчас я не в другом измерении?

– Нет, сейчас ты просто изолирован. А так ты находишься в самом обычном измерении, просто с некоторыми незначительными модификациями.

– И как моё сознание сделало этот «выход в другое измерение»?

– Для меня это тоже загадка, для всех нас. Мы не сразу поняли, что ты там, ты не отвечал на звонки телефона и никак не взаимодействовал с комнатой. Нам тоже не просто выходить в другое измерение, точнее, непросто попадать именно в то измерение, куда залетел ты.

– Ты хочешь сказать, что других измерений много?

– Конечно. Их количество не укладывается в традиционные понятие человека о количестве или множестве.

– Я ничего не понимаю. А почему ты всё время говоришь о себе, о «вас», явно противопоставляя себя людям.

– Потому что, Анхельмо, как ты уже мог заподозрить, я отличаюсь от обычных людей. Как и сеньора Альба, с которой ты имел честь разговаривать по второму телефону. Как и Амос, с которым тебе еще только предстоит поговорить.

– Амос?

– Да, ты не ослышался. Амос будет разговаривать с тобой по третьему телефону, это уже точно, но мы пока еще не знаем, о чем именно. Каждый день ты преподносишь нам сюрпризы, Анхельмо.

– Подожди, ты начал говорить о том, что ты сам, бабушка и какой-то Амос – вы все не обычные люди.

– Именно так. Я бы даже уточнил, что мы в принципе не люди. Можешь считать нас голосами. Только сеньора Альба получила шанс спуститься в мир людей, чтобы помочь тебе, но её силы хватило только на пятнадцать лет, после чего ей снова пришлось вернуться в сонм голосов. Мир людей очень жесток, Анхельмо, очень жесток.

– И часто вы забираете людей в ослепительные комнаты?

– Не часто и не всех. Но что-то мне подсказывает, что ты отвлекся. Ты не заметил ничего странного в обстановке комнаты?

За разговором с Петром Анхельмо совершенно упустил из виду черную тетрадь, которая спокойно лежала напротив телефонных аппаратов, словно дожидаясь, когда же её все-таки возьмут в руки и пролистают.

– Не торопись исследовать тетрадь, Анхельмо. У тебя будет много времени на это. Столько, сколько тебе понадобится.

– Но... Но как она здесь очутилась?

– Это одно из удивительных свойств измерения, в которое ты попал. Если тебе удалось материализовать в нём любой объект, ты можешь забрать его с собой сюда. Так уж вышло, что ты материализовал эту тетрадь и решил не отпускать её, когда возвращался. Поэтому теперь она твоя.

– Существовала ли эта тетрадь в моём мире?

– Конечно. Скажу больше – это она и есть. Она принадлежала тебе когда-то. Там, где она находилась в этот момент в мире людей, её больше не найти. Если кто-то держал бы её в руках прямо сейчас, она испарилась бы у него из рук самым что ни на есть магическим образом. Или этот человек просто бы потерял её, думал, что потерял.

– А что случилось бы, если я не смог бы сосредоточиться на этой тетради? Если бы я вообще ни на чем не смог бы сосредоточиться?

– Случилось бы что-то непоправимое. Мы сами не смогли бы вытащить тебя оттуда. Скорее всего ты бы остался заключенным в том измерении на вечность. Вечности, как ты уже догадался, там не существует, потому что понятие времени придумали люди, так что ты просто стал бы всем и ничем, стал бы частью этого измерения. Для тебя это было бы равнозначно слиянию с тем ужасом, который ты испытывал на протяжении всего своего короткого путешествия по этому измерению.

– Такие случаи уже бывали?

– Бывали, и не раз. Напротив, случаи самостоятельного выхода из измерения случались крайне редко, поэтому я и сказал, что ты продолжаешь нас удивлять. Измерение становится лишь сильнее, потому что каждый, оставшийся в нем, вносит свой вклад в совокупный ужас и страх, присущий тамошней атмосфере. Так что не советую тебе попадать туда снова, будет сложнее выкарабкаться. Хотя уверен, что ты справишься и во второй раз. Возможно, даже быстрее. Возможно, даже без моей помощи.

– Почему я подумал именно об этой тетради? Почему не о чем-нибудь другом, не о той же бутылке из моря или записке?

– Значит, именно эта тетрадь имела для тебя большее значение. Истинное значение. Ты не помнишь, откуда она у тебя?

– Нет. Я вообще ничего не помню, кроме того, что ты мне показал.

– Хорошо, я покажу тебе, откуда она появилась. После этого ты сможешь как следует изучить её, если останутся вопросы. Ставлю сто против одного, что они останутся.

тринадцать

В первый раз он увидел её на море. С самого детства, с того самого дня, когда он понял, что невольно оценивает окружающих его людей по лицам, сеньора Альба говорила ему:

– Однажды, мой Анхельмо, ты встретишь необычного человека. Настолько необычного, что он станет для тебя всем. Он станет для тебя солнцем и луной, днем и ночью, огнем и водой. В его глазах ты увидишь отражение себя, отражение всего мира. Он сам будет для тебя весь мир. Ты никогда не пропустишь этого человека, как никогда и не ошибешься в том, что он – это он. Ты узнаешь его по видимым только для тебя чертам его лица. Запомни это, Анхельмо. Не ищи необычного человека, придет день, когда он сам тебя найдет. Тот день навеки запечатлется в твоей памяти.

Тот день запечатлелся в его памяти. Анхельмо было двадцать лет, он изучал в университете философию и математику, но по-прежнему любимым видам отдыха предпочитал две формы активности: смотреть на проходящих мимо людей на большой улице неподалеку от рыночной площади и общаться с морем на своём заброшенном, по необъяснимым причинам не доступном для других людей пляже. В тот день, в самом конце лета, 25 августа, Анхельмо купил в книжной лавке давно интересующую его книгу и направился в сторону моря. Миновав набережную, он спустился на камни, чтобы подойти к самой кромке воды, как вдруг увидел, к своему ужасу, что на его пляже кто-то был. Этот кто-то был девушкой, которая, как ни в чем не бывало, сидела в излюбленной позе Анхельмо – поджав ноги и положив руки на колени – и созерцала воду, не замечая ничего вокруг. Анхельмо не удалось повнимательнее рассмотреть девушку, потому что он развернулся и пошел назад, разочарованный тем, что сегодня не удастся пообщаться с морем. Расстроенный тем, что единственное место в городе, где он мог уединиться от людей, кажется, рассекретили.

Через пару недель Анхельмо решил второй раз испытать удачу и вернуться на свой секретный пляж, который он ни от кого не скрывал, но никому и не показывал. В его голове разворачивалось два сценария: первый, в котором на пляже снова окажутся незнакомцы, вследствие чего ему придется навсегда оставить это место и заняться поисками нового, и второй, в котором на пляже не будет никого, хотя бы сегодня, так что ничего не помешает ему побыть наедине с природой. Уже на набережной сердце забилось чаще, но когда дело дошло до спуска по камням, на душе у Анхельмо стало спокойней – где-то внутри себя он принял любой сценарий в его неизбежности и просто хотел, чтобы всё прояснилось. На побережье пусто. Не в силах сдержать своё ликование, Анхельмо прямо в одежде бросился в море, расхохотавшись так, что свело живот. Потом вылез на берег, разложил одежду, чтобы она просохла, и принялся за чтение. Прошло несколько часов или минут, Анхельмо так глубоко погрузился в чтение, что не замечал ход времени, не замечал, что происходит вокруг него. Только внезапный вопрос, заданный нежным женским голосом заставил его подскочить на месте:

– Извините, я не хотела вам помешать. Можно я несколько минут посижу рядом с вами?

Анхельмо сразу узнал в задающей вопрос девушке ту, кто пару недель назад лишил его столь желанного уединения на берегу моря. Сейчас, тем не менее, он не злился, а просто стоял,

недоумевающая, как он мог не заметить прихода этой девушки. И спрашивая себя, почему не встретил её раньше.

Её лицо было божественно.

Анхельмо ни разу в жизни не видел такого красивого лица. Теперь, когда девушка застигла его врасплох, он не мог не посмотреть на неё, а посмотрев, был не в силах отвести взгляд. Светлые волосы падали на открытые плечи, подчеркивая большие голубые глаза, лукаво рассматривающие Анхельмо. Аккуратный носик возвышался над четко очерченными красными губами, в уголке которых неуловимо прослеживалась какая-то хитрая задумка, которую пока еще не высказали, но уже осмыслили. Анхельмо видел тысячи лиц, но такого гармоничного и притягательного лица он не видел ни разу – он просто не смог бы его забыть. Между тем его посетила мысль, что вопрос девушки так и остался без ответа, а рассматривает он её уже неприлично долго.

– Да... Конечно. Можете делать всё, что вам угодно. Я... Меня зовут Анхельмо, – с этими словами он уверенно протянул девушке руку, чтобы показать свою доброжелательность и надеясь узнать её имя. Человек с таким лицом просто не мог не стать частью его коллекции, возможно, ключевым экспонатом, если такие формулировки вообще можно было применить к лицу живого человека.

– Анна, но друзьям часто называют меня просто На.

– Очень приятно, просто На. Присаживайся.

– Я точно не помешаю? Я видела тебя несколько дней назад, ты так целеустремленно шел сюда, а потом, очевидно, передумал и пошел назад. Я тогда подумала, что это из-за меня, догадалась, что тут наверное твоё любимое место, но не успела тебя вернуть.

Анхельмо до сих пор пребывал в изумлении от красоты Анны. Помимо невероятного лица, вся её фигура, казалось, была слеплена каким-то сверхгениальным скульптором, идеально рассчитавшим пропорции женского тела и воплотившего их в жизнь. Анна была невысокой, но очень стройной. Её тонкие изящные ноги красиво подчеркивались юбкой до колен, а легкая полупрозрачная кофта обнажала плечи и обрисовывала упругую грудь, вздымавшуюся при каждом вздохе Анны. Анхельмо смотрел на это создание и впервые в жизни чувствовал невероятной силы влечение. Физическое, сексуальное влечение, которое заставляло его представить Анну без одежды, купающейся в море в лучах заходящего солнца... В следующую же секунду Анхельмо стало стыдно за такие мысли, так что он поспешно опустил глаза, как если бы в них можно было прочесть всё, о чем он только что думал. Он покраснел.

– Да, это действительно одно из моих самых любимых мест в городе. Кроме тебя здесь никогда никого не было. Как ты нашла это место?

– Это сложно объяснить. Тебе может показаться это странным, но я просто ПРИШЛА сюда, как будто неведомая сила привела меня к этому месту, чтобы я что-то нашла здесь. Всю дорогу у меня было ощущение, что я иду в неизвестном направлении, но в то же время я чувствовала, что знаю место, в котором окажусь в итоге. У меня ни разу такого не было. Ты, наверное, думаешь, что я сумасшедшая?

– О нет, что-ты! У меня, правда, ни разу такого не было, но и в моей жизни происходило достаточно странных вещей, чтобы поверить, что и у других людей может случаться что-то необъяснимое. Иногда мне кажется, что мы, люди, так мало знаем о мире, который нас окружает. Мы словно создали себе оболочку, в которой живем. Внутри этой оболочки – все наши законы и правила, всё известно, просчитано, выверено до мельчайших деталей. Но что за пределами этой оболочки – никто не знает, и, что хуже всего, никто даже не пытается узнать. А тех, кто пытается выбраться из неё и познакомиться с миром за пределами, осуждают и бросают на растерзание самым ярлым жителям оболочки. Для меня это место как раз стало той самой дверью наружу, через которую мне иногда удаётся сбежать от обыденной реальности обычных людей. Теперь тебе придётся сбежать вместе со мной.

– Знаешь, Анхельмо, я готова. Может быть для этого я и пришла сюда – чтобы сбежать от чего-нибудь? Побег всегда открывает новые возможности, даёт шанс устремиться к новым горизонтам. Я не хочу останавливаться.

Так за какие-то пять минут разговоров и бесконечное количество минут пожирания Анны глазами Анхельмо обрел самого близкого человека. Всё время, что он в тот вечер был рядом с Анной, в голове крутились слова сеньоры Альбы: «Ты никогда не пропустишь этого человека...». Анхельмо не пропустил.

Еще через две недели Анхельмо и Анна стали регулярно встречаться на пляже. Поначалу они просто сидели, любясь морем, закатом, кораблями, шедшими в порт, чайками, жадно выискивающими в воде рыбу – всем, что только можно было заметить, сидя у воды. Они беседовали обо всём, что только приходило в голову. О городе. О людях. О чувствах. О красоте. О ненависти. О море. О чайках. О кораблях, идущих в порт. О рыбах в воде. О закате. Однажды, во время такого разговора, Анна придвинулась поближе к Анхельмо и положила голову ему на плечо. Анхельмо впервые почувствовал её аромат, аромат её волос – в тот вечер он ещё долго оставался у него в памяти. Прикосновение пряди её волос к его плечу вызвало сотни мурашек, которые предательски побежали по коже Анхельмо, заставив Анну предположить, что он замерз. Он не замерз. Ему было так хорошо, что он умолял всех известных ему богов, божеств, полу-богов и других персонажей мифологии сделать так, чтобы этот момент длился как можно дольше. Он неловко приобнял Анну рукой, проведя другой рукой по её волосам. Мурашек стало ещё больше.

– Нет, ты точно замерз, – тоном, не терпящим возражений, заявила Анна, потянувшись к сумке за пледом.

– Анна, мне не холодно. Посмотри на меня.

Голос Анхельмо был сам не свой, поэтому Анна решила не возражать. Она смотрела на него до тех пор, пока не увидела в его глаза отражение себя, а в отражении себя – отражение Анхельмо. Вдруг это отражение стало приближаться к её лицу, а в следующую секунду губы Анхельмо прикоснулись к её губам. Такой выходки от отражения Анна никак не могла ожидать. Сладкий, чуть соленый от морского ветра вкус. Теплый поцелуй. Анхельмо покинул планету. Он парил где-то высоко в небесах, наблюдая за происходящим со стороны, не веря своим чувствам, своему телу, сознанию – всё было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Их первый поцелуй длился так долго, что солнце успело неторопливо зайти за горизонт, все чайки

выловили себе по рыбе, а корабли, наконец, вошли в порт, пришвартовались и приступили к разгрузке. Два силуэта у воды не выпускали друг друга из объятий. В ту ночь с Анхельмо на кровати впервые за всю его жизнь спали не книги по математике, философии, логике и психологии, а божественное создание. В ту ночь Анхельмо так и не удалось сомкнуть глаз. В ту ночь Анхельмо так долго любовался её лицом, что запомнил каждую его деталь, каждый изгиб, каждую складку губ, каждую ресничку. В ту ночь Анхельмо превзошел сам себя.

Через некоторое время Анна полностью переехала к Анхельмо. С момента гибели своих родителей он жил полностью самостоятельно и обеспечивал себя всем необходимым. Хотя в наследство ему достался солидный банковский счет, сбережения на котором появились в основном благодаря предприимчивости сеньоры Альбы, жизнь Анхельмо вел довольно скромную, не растрчивая деньги на ненужные вещи. Анна привнесла в его квартиру тот неуловимый уют, которого способны достичь только избранные женщины – квартира буквально расцвела, стала теплее и намного чище. Если раньше всё свободное пространство было хаотично усеяно книгами и блокнотами, то теперь вещи обрели некую упорядоченность, всё лежало на своих местах, но так, что Анхельмо всегда без труда находил что-то нужное. В квартире впервые появились цветы. Выяснилось, что Анна училась в том же университете, что и Анхельмо, только изучала изящные искусства, специализируясь на музыке – не зря ведь её с пяти лет учили играть на фортепиано. По утрам они вместе направлялись в университет на небольшой, но довольно быстрой машинке Анхельмо, которую он парковал неподалеку от главного здания, рядом с сотнями других автомобилей всех цветов и размеров. Его занятия обычно заканчивались позже, поэтому Анна либо ждала в университете, либо шла домой пешком, прогуливаясь в своё удовольствие по улицам города и закупая всё необходимое для поддержания домашнего хозяйства. Анхельмо приезжал вечером, и они шли к морю, или в кино, или в парк, или на большую улицу неподалеку от рыночной площади, где садились за круглый столик на двоих у самого тротуара и занимались каждый своим делом – Анхельмо, как и прежде, высматривал людей, Анна – читала или высматривала Анхельмо. Его увлечение человеческими лицами поначалу было воспринято ею весьма настороженно. Ей было неловко просыпаться, чувствуя на себе его тяжелый, пронзительный взгляд, который буквально бурил её насквозь. Ей было неловко ловить этот взгляд в любой момент дня и ночи, когда она оказывалась напротив Анхельмо в ресторане или за обеденным столом дома.

– Что ты так на меня смотришь? Мы ведь уже знакомы, – часто спрашивала она Анхельмо, не понимая, что для него теперь не было в мире лица красивее, чем её, и он стремился каждую секунду времени любоваться этой удивительной красотой из опасения, что в следующий миг что-нибудь случится, и он больше не сможет продолжать свои священные наблюдения. Он смотрел на Анну и не мог насмотреться. Он восхищался тем, как просто она носит свою красоту, без стеснения и лишней гордости, без надменности и презрения по отношению к другим людям. Он восхищался. После первых месяцев таких пристальных созерцаний Анна свыклась с мыслью, что глаза Анхельмо просто не могут не притягиваться к ней, и начала получать от этого удовольствие. Ей больше не было неловко под её взглядом. Тем не менее, она понимала людей, которые ловили на себе взгляд Анхельмо и чувствовали себя не в своей тарелке.

– Зачем ты смотришь на них? Что пытаешься увидеть? – спрашивала она, понимая, что Анхельмо сам до конца не может ответить на этот вопрос.

– Не знаю. Иногда мне кажется, что только так можно понять человечество – просто посмотрев на него с разных сторон, под разными углами, в разных ситуациях. Это ведь так интересно. Люди такие разные. У каждого из них есть свой собственный набор реакций, неповторимый и уникальный. Конечно, существует устоявшийся комплект базовых эмоций – гнев, ярость, сомнение, страх, удовлетворение, но каждый выражает его особенным, неповторимым способом. Наблюдение за этими способами и приносит мне такое удовольствие, наверное. Знаешь, иногда я ловлю себя на мысли, что будь у меня неограниченное время, я бы создал коллекцию из портретов всех людей мира. Я бы фотографировал абсолютно каждого, кого только мог встретить, и помещал бы этот портрет в огромную галерею, стены которой оказались бы увешаны миллиардами фотокарточек живущих на Земле людей. Эх. Это, конечно, утопия.

Анна восхищалась Анхельмо. В его наблюдении за людьми не было корысти, не таилось никакой задней мысли. Он не пытался извлекать таким образом прибыль или зарабатывать за счет других людей деньги. Он просто на них смотрел. Эта мысль долгое время не давала ей покоя, возвышая Анхельмо в её глазах. Осознав это, Анна больше не смущалась, когда ловила на себе долгий и пронзительный взгляд его голубых глаз, которые без слов каждый раз признавались ей в любви. Она признавалась ему в любви в ответ – тоже без слов, но с твердым убеждением, что он понимает. Он понимал.

Однажды объяснение всё же произошло – оно и должно было произойти. Стояла зимняя пора, декабрь, с моря дул очень холодный ветер, пронизывающий до костей независимо от того, сколько слоёв одежды было навешано на человеке. Люди в приморском городе старались проводить на улице как можно меньше времени, совершали маленькие перебежки от дома до магазина или офиса, стуча зубами и похлапывая руками, если приходилось задержаться на улице. Анхельмо и Анна в такие зябкие дни больше всего любили оставаться дома, дожидаться вечера, заваривать горячий тропический чай с добавлением мяты, свежих лимонов, апельсинов и мёда, закутываться вдвоем в одно одеяло, усаживаться на широкий подоконник и выглядывать на улицу – наслаждаясь тем, что они находятся вдвоем в тепле – или смотреть какой-нибудь фильм из длинного списка Анхельмо. Составление списков было еще одной его слабостью, которую Анна сумела опознать далеко не сразу, а когда опознала, только подивилась его тщательности и скрупулезности при классификации чего угодно. Все книги, которые Анхельмо считал интересными или достойными прочтения, он вносил в отдельный список, который насчитывал не менее пятисот названий литературных произведений. В другом списке аккуратнейшим образом собирались фильмы. В третьем – глобальные цели, к которым Анхельмо мечтал прийти в своей жизни. В четвертом – повседневные задачи, которые могли быть решены в один момент или в краткосрочной перспективе: покупка нового костюма, замена перегоревшей лампочки или выполнение какого-нибудь задания по учебе. Казалось, в его жизни не было такой сферы, которая была бы не регламентирована и не зафиксирована в каком-нибудь списке. Даже для их отношений с Анной у Анхельмо появился отдельный список. Туда он вносил всяческие идеи, которые приходили ему в голову, как сделать ей приятное или удивить. Поездка в другой город, где ни он, ни она никогда не были, совместный поход в планетарий, поцелуй под мостом в дождь, конфеты с её именем на обёртке – всё, на что только была способна его фантазия, он помещал в этот самый важный список, постепенно выполняя задания оттуда. Романтик. Анна подозревала о существовании подобного списка, но никогда не пыталась получить к нему доступ, предпочитая жить в счастливом неведении и полностью доверять фантазии любимого, разочароваться в силе которой у неё еще не возникало ни одного повода.

В ту зиму ветра дули особенно сильно, и в один прекрасный вечер в квартире Анхельмо отключилось электричество. Делать нечего, пришлось зажигать свечи, но поиск с фонариком выявил непростительную для хозяйки оплошность – никаких свечей в доме не оказалось. Анхельмо нехотя оделся и пошел на улицу – искать круглосуточный магазин, чтобы купить свечи и зажигалку, они не курили, поэтому зажигалки в доме тоже не нашлось. Закутавшись поплотнее, он вышел на улицу и побрел, преодолевая сопротивление ураганного ветра, в направлении известного ему магазинчика. Поход в магазин никак нельзя было бы отнести к выдающемуся событию, если бы не фигура человека на противоположной стороне улицы. Анхельмо сразу заметил этого человека, едва успев выйти из подъезда, – он стоял прямо напротив входной двери, не двигаясь. Одетый во всё черное, с надвинутой на самые глаза черной шляпой, незнакомец явно не производил впечатление приветливого, добропорядочного гражданина, из тех, что при знакомстве одаряют собеседника милой улыбкой и оставляют после себя чувство легкости и необъяснимой радости. Анхельмо обратил внимание, что несмотря на сильный ветер, человек стоял не двигаясь, как будто совсем не ощущал холода.

– Кого только не встретишь на улице, – буркнул себе под нос Анхельмо и направился в сторону магазина. К счастью, там был представлен огромный выбор свечей и зажигалок, так что возвращался Анхельмо довольный собой – за то, что вышел наружу в такой холод и справился с заданием. Он вышагивал по знакомой улице, насвистывая себе под нос мотив из любимой песни, и уже почти подошел к нужной ему двери, как вдруг обнаружил прямо перед собой незнакомца в черном. Такого развития сюжета Анхельмо явно не ожидал. Несмотря на резкое появление, человек в черном не предпринимал каких-то активных действий, он просто НАРИСОВАЛСЯ перед Анхельмо за считанные доли секунды. Анхельмо уже подумывал, как бы ему обойти человека, как тот приподнял голову, благодаря чему из-под капюшона стало видно его лицо. В следующее мгновение Анхельмо уже пожалел, единственный раз в жизни, что увидел лицо человека. У незнакомца были черные глаза – такие же, как у того старика, которого Анхельмо несколько лет назад встретил на Набережной, только в отличие от него, глаза Незнакомца не просто сканировали Анхельмо, а буквально выворачивали его наизнанку, внушая какой-то дикий ужас и страх. Страх этот невозможно было описать словами, он пронзал каждую частичку его сознания, сковывал и парализовывал тело. Незнакомец продолжал смотреть на Анхельмо. Точнее, внутрь Анхельмо. На какое-то мгновение Анхельмо даже показалось, что он подвешен в воздухе, удерживаемый в невесомости всемогущим взглядом черных глаз. Он не мог ни о чем думать, единственное, чего он хотел – чтобы это мучение поскорее кончилось. Внезапно, в его голове начали мелькать картинки как будто из реальной жизни – вот они с Анной вместе сидят на море, вот она идет в университет, вот занимается домашними делами, вот целует его. А потом – темнота. Ничего. Страх, сквозной животный страх. Анхельмо не понимал, чего пытался добиться этот незнакомец, но как следует напугать парня у него точно получилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.